

Николай Некрасов

Родина

Николай Некрасов
Родина (сборник)

«ЭКСМО»

1878

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Некрасов Н. А.

Родина (сборник) / Н. А. Некрасов — «Эксмо», 1878

ISBN 978-5-04-100504-7

Литературное наследие Н. Некрасова обширно и разнообразно по жанрам. В книгу включен и знаменитый панаевский цикл – изумительный памятник любовной лирики XIX века, и стихотворения, обращенные к детям, и безусловно, гражданская лирика поэта, интерес к творчеству которого неуклонно растет.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-100504-7

© Некрасов Н. А., 1878
© Эксмо, 1878

Содержание

Слово Некрасова	6
Стихотворения	16
Современная ода	16
В дороге	17
Колыбельная песня	19
«Я за то глубоко презираю себя...»	21
Родина	22
Огородник	24
Тройка	26
Нравственный человек	28
«Если, мучимый страстью мятежной...»	30
«Еду ли ночью по улице темной...»	31
Вино	33
«Ты всегда хороша несравненно...»	35
«Вчерашний день, часу в шестом...»	36
«Поражена потерей невозвратной...»	37
«Да, наша жизнь текла мятежно...»	38
«Я не люблю иронии твоей...»	40
На улице	41
1	41
2	41
3	42
4	42
«Мы с тобой бестолковые люди...»	43
«Блажен незлобивый поэт...»	44
Муза	46
За городом	48
«Ах, были счастливые годы!...»	49
«О письма женщины, нам милой!...»	50
Памяти приятеля	51
Филантроп	52
Отрывки из путевых записок графа Гаранского	56
Буря	59
В деревне	60
Несжатая полоса	63
Маша	65
«Праздник жизни – молодости годы...»	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Николай Алексеевич Некрасов

Стихотворения

© Федякин С.Р., предисловие, комментарии, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Слово Некрасова

Он был поэт подлинный, и потому — *другой*, не похожий ни на Пушкина, ни на Жуковского, ни на Лермонтова, — которым он так старательно подражал в первой книге стихов. В XX веке скажут:

«Таких песен замогильных, страшных, в русской поэзии еще не было. Это «неподражаемые, неистовые» звуки, ветровые, природные. В них особые гласные — глухие, протяжные, бесконечно длящиеся и особый ритм, раскатывающийся, гулкий, пустынный. Предельная обнаженность стихийного начала, некрасовской звериной тоски. Все сметено движением этого ритма — гражданственность, народность, «проблемы»; кругом — пустая степь без конца и без края и ветер»¹.

Константин Мочульский, критик редкой чуткости, заметит и другое: не страдания народа заставили Некрасова «завыть» свои заунывные песни, но собственная, нескончаемая душевная боль. Эту свою нестерпимую муку он выплеснул на то, что видел вокруг:

«Самое личное, самое неповторимое — ритм своего дыхания, свою *некрасовскую* тоску — поэт переносит на родину. На такой глубине интимное и общее — совпадают. Некрасов, стараясь передать свой напев, делается народным певцом. Его стон — стон всех. В своей душе он подслушал «родные» русские звуки. И, подлинно, он самый национальный русский поэт. Теперь он знает: то, что звучало в нем, что с таким мучительным напряжением рвалось наружу — было не его песней, а песней народной. Не он, а весь народ: «Создал песню, подобную стону»².

И все же — только чувствовал непомерное страдание и в стихах выразил его как всеобщее? Собственной, некрасовской тоской только лишь окрасил остальной мир? Или особо чутким слухом уловил то, что пронизало русскую жизнь, и общую беду всех почувствовал как собственную?

Неизбывная душевная тоска Некрасова, о которой вспоминают современники, о которой он не раз говорил в своих письмах, — разве она связана только с его личной судьбой? Мать вспоминал страдальцей, измученной деспотом-мужем. В самом начале творческого пути, живя в Петербурге впроголодь, не получая от отца ни копейки, он побывал «в шкуре» пролетария. Но только ли здесь исток его «сочувствия» ко всем «униженным и оскорбленным»? Вспомним его детское потрясение от стога бурлаков:

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

(«На Волге»)

Или — знаменитые строки, где он всматривается в жизнь молодой крестьянки:

Что так жадно глядишь на дорогу

¹ Мочульский К.В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 44.

² Мочульский К.В. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 44.

В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченьясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

(«Тройка»)

Или — эти сумрачные, горестные картины, в которых страшна их обыденность:

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

(«Гробок»)

А ведь иногда это чувство беды возникает с первых строк, когда еще и не рассказана история:

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

(«Несжатая полоса»)

Еще нет умирающего пахаря, еще не сказано ни слова о человеческом горе, а уже в нескольких беглых образах, в щемящем звуке фраз слышится голос беды. И сколько будет еще этих простых героев — с несбыточными надеждами, с тоской и болью! И разве нет здесь той «всеотзывчивости», о которой скажет позже Достоевский в речи о Пушкине? Только всеотзывчивости особой — именно на людскую беду, на муку, на отчаяние. Не только частая подверженность мрачным настроениям, но и сострадание рождало подобные строки, даже те, которые могут показаться навеянными не то личным воспоминанием, не то сочувствием человеку совсем уже не из крестьянского мира:

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорила — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

* * *

В молодые годы он пережил отчаянные минуты, когда его идеализм боролся с умом практическим. Порыв души звал к высоким целям, жизнь диктовала иное. Однажды он даже даст себе клятву «не умереть на чердаке»³. И позже — будет иной раз сердиться на тех идеалистов, с которыми будет встречаться в своей литературной жизни. Они жили в мечтаниях, не способные трезво оценить свои возможности, иной раз — обреченные на гибель.

Вставать на ноги он начал вовсе не как поэт, но как издатель. В 1843 году будут «Статьйки в стихах без картинок», в 1844-м — альманах «Физиология Петербурга», в 1846-м — знаменитый «Петербургский сборник», где среди сотрудников не только уже достаточно известные — В. Г. Белинский, А. И. Герцен, граф В. А. Соллогуб, но слышны уже в полную силу голоса писателей нового поколения — Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Н. Майкова, самого Н. А. Некрасова. Здесь, среди других его стихотворений, появится и то («В дороге»), где отчетливо слышны интонации подлинного Некрасова.

И все же пока главный успех его ждет на издательском поприще. В конце 1846 года Н. А. Некрасов и его приятель И. И. Панаев заключили соглашение с П. А. Плетневым, издателем журнала «Современник», первые четыре номера которого вышли десятилетие назад под редакцией Пушкина. В январе 1847-го выходит первый номер журнала с новым составом сотрудников. С этого времени и на долгие годы — это одно из лучших русских периодических изданий. Номинальным редактором поначалу будет цензор А. В. Никитенко, потом — Панаев. Фактическим редактором будет Некрасов, он будет той «ломовой лошадей», которая тянула на себе бремя журнальной «закулисы» — войну с цензурой, поиск материалов, писание беллетристики для того, чтобы можно было заполнить очередной номер. Идеальным вдохновителем — до самой своей смерти в 1848 году — будет Белинский. Позже — с середины 1850-х Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Жизнь Некрасова надолго связалась с жизнью «Современника». Даже его большая любовь — А. Я. Панаева — из сотрудников журнала. Только тяжелая болезнь заставит его на год, с лета 1856-го до лета 1857-го, удалиться за границу, передав бразды правления в руки Чернышевского.

Издательские дела шли довольно успешно. Появилось сатирическое приложение «Свисток». Война с цензурой, попытка разрешить разногласия между сотрудниками, удержать редакцию от раскола — драматическая сторона этой жизни. Начало 1860-х — смерть Панаева и Добролюбова, арест Чернышевского и поэта М. Л. Михайлова — из ряда личных трагедий.

«Как вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был безнравственный человек?» Вопрос в анкете Чуковского⁴, заданный поэтам начала века, не был случайностью. Ведь и Достоевский в своей некрологической статье не мог отвести его в сторону. И все же его мнение — отличается и чуткостью, и глубинным пониманием. Да, вокруг «практической жизни» поэта больше сплетен, нежели действительных фактов: «У такого характерного и замечательного человека, как Некрасов, — не могло не быть врагов»⁵. И даже то, что действительно было в его жизни — крайне преувеличено. «Но приняв это, — продолжает Достоевский, — все-таки увидим, что нечто все-таки остается. Что же такое? Нечто мрачное, темное и мучительное бесспорно, потому что — что же означают тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его,

³ Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 247.

⁴ Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926. С. 393.

⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 26. — Л.: Наука, 1984. С. 121.

эти признания, что «он упал», эта страстная исповедь перед тенью матери? Тут самобичевание, тут казнь?»⁶

В глазах многих современников Некрасов — деловой и «практический» человек, не только умеющий «заработать» на журнальном деле, но и способный на поступки «неблаговидные». Не случайно некоторые из писателей «старой закалки» полагали, что в стихах Некрасов фальшив, что он только лишь примеривает на себя роль «сочувственника» и «сострадальца». И даже те, кто ощутил искренность поэта, часто испытывали неловкость. Т. Н. Грановский услышал однажды Некрасова, читающего свои стихи: «...я был поражен неприятным противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом»⁷.

Корней Чуковский, «излазивший» биографию Некрасова до самых «потаенных» уголков, готов был этой черте характера Некрасова дать иное толкование. Дело не только в том, что Некрасов, «хлебнув» в юности нищеты, *научился* зарабатывать журнальным делом, и не только в том, что эта пора жизни дала ему и особые привычки, и манеру поведения. Но, проделав в ранней молодости тот путь, которым скоро пойдут многие «шестидесятники», разночинцы, Некрасов и сам становится «наполовину» человеком иного сословия. В нем еще сидит барин, но живет уже и «деловой человек».

Это наблюдение объясняет известный эпизод в истории «Современника», этого любимейшего детища Некрасова, когда, не сумев смягчить противостояние между людьми своего поколения, Тургенева прежде всего, и «шестидесятниками», Добролюбовым и Чернышевским, Некрасов, в конце концов предпочел все-таки не давних знакомых, но молодых и «нахрапистых». В 1866-м эта же «двойственность» сыграет с ним жестокую шутку. После покушения Д. В. Каракозова на императора Александра II журнал был, в сущности, обречен. И чего стоила Некрасову эта «ода» М. Н. Муравьеву-Вешателю, от которого всецело зависела судьба «Современника»! И журнал не спас, и вызвал не только жестокие насмешки врагов, но и мучительные укоры со стороны единомышленников.

Но «двойственность» Некрасова — это не только его «разносословность», но и одиночество: все-таки ни в круг «людей сороковых годов», ни в круг «шестидесятников» он не вписывался. Для первых — он слишком сметлив и расчетлив, всему «знает цену» в самом буквальном смысле этих слов, для вторых — слишком непоследователен. Сотрудник «Современника» М. Антонович вспоминал, что произошло в редакции после того выстрела Каракозова: «В один прекрасный день Некрасов объявил нам, что он больше не нуждается в наших услугах и содействии и должен расстаться с нами, что он только для того, чтобы не возвращать подписных денег, доведет журнал до конца года как-нибудь один, и без нас, а затем бросит его. При этом он обещал выдать каждому из нас в виде отступных сумму денег и скоро действительно исполнил обещание в некоторой части. — Таким образом, мы расстались по-хорошему, не враждебно, но и не дружелюбно, без сожаления и с порядочным осадком горечи в наших чувствах вследствие последних инцидентов».

Одного не знал М. Антонович: пережитых Некрасовым угрызений. За посланием Муравьеву, которое сам Некрасов уничтожит, тут же последует знаменитое, с мукой выговоренное:

Ликует враг, молчит в недоумении
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущении,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. М.: Худож. литература, 1971. С. 20. Н.А. Некрасов в воспоминаниях современников. — М.: Худож. литература, 1971. С. 178.

О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял...
Зато кричат безличные: «Ликуем!»,
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвозждая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

Потому Некрасов и мог испытывать сострадание к «падшим», что сам был из их числа. Тяга к раскаянию делала его в иные минуты одним из самых христианских поэтов. И вот рождается притча о житии мироеда («Влас»), что «брал с родного, брал с убогого», а после — с нагрянувшей беды — с ним свершилось преображение:

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма Божьего пошел...

Или возникает горестная история мужа, узнавшего про измену жены («Зеленый шум»). Он изводит себя, он не может найти покоя, не может быть рядом с ней:

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит, — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!

Но вот — дохнуло весенней свежестью, вот разомкнулось лютое пространство, и приходит воскрешение души, где строки стихотворения — почти проповедь:

Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Бог тебе судья!

И понятно это видение самого Некрасова, что явилось в стихотворении «Рыцарь на час»:

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу

И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.

И сколь подлинны, столь и непреложны эти его стенания над могилой матери:

О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

На самом деле он чувствовал боль других или только разыгрывал отзывчивость? Многие, очень многие отказывались верить в его искренность. Позже Борис Эйхенбаум даже найдет особое объяснение некрасовскому слову: «Любители биографии недоумевают перед «противоречиями» между жизнью Некрасова и его стихами. Загладить это противоречие не удастся, но оно — не только законное, а и совершенно необходимое, именно потому, что «душа или «темперамент» — одно, а творчество — нечто совсем другое. Роль, выбранная Некрасовым, была подсказана ему историей и принята как исторический поступок. Он играл свою роль в пьесе, которую сочинила история, — в той же мере и в том же смысле «искренно», в каком можно говорить об «искренности» актера. Нужно было верно выбрать лирическую позу, создать новую театральную эмоцию и увлечь ею «не внемлющую пророчествам» толпу. Это и удалось Некрасову»⁸.

Вряд ли бы сам Некрасов мог без содрогания прочитать это о себе. И не точнее ли будет вслушаться в слова читателя, который не только мог «построить теорию», но и вслушаться?

«Совесть — странный дар. Кому такая мера ее дается? В Некрасове она жила с детства и все росла, хотя он о ней не думал. Тем была она страшнее: как слепая змея в сердце. Он не умел защищаться от своих страстей, они легко овладевали им; тем легче, что он искал каких-нибудь «передышек»: забыть терзания»⁹.

Не все сказаны эти слова Зинаидой Гиппиус. Отсюда пришла его поэзия. Из необъятных страстей и нескончаемого раскаяния. И каждое собственное падение становилось равносильно прозрению общей беды:

«Совесть, — все она же! — вырастая, переплеснулась через личное, пропитала его любовь к земле, к России, к матери и, в мучительные минуты «вдохновенья», сделала его творцом неподражаемых стонов о родине. Неужели это лишь песни «гражданской скорби», как тогда говорили? Вслушаемся в них: поэт не отделяет родину-мать от себя самого; он мучается за нее и за себя вместе, даже как бы ею и собою *вместе*»¹⁰.

⁸ Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 58.

⁹ Гиппиус З.Н. Загадка Некрасова // Гиппиус З.Н. Арифметика любви (1931—1939). СПб., 2003. С. 535.

¹⁰ Гиппиус З.Н. Загадка Некрасова // Гиппиус З.Н. Арифметика любви (1931—1939). СПб., 2003. С. 535.

Он знал, что такое беда — и та, когда не живешь, а выживаешь, и та, когда в душе смятение и самоказнь. Для него они связались воедино. В чем каяться идеалисту? Чувство это естественней зарождается именно у человека «практического».

* * *

Что сподвигло его вернуться в тревожную журнальную жизнь? Желание ввязаться в идейные распри? Стремление убежать от собственных болезней и черной тоски? Или та «деловая жилка», которая тоже не давала покоя? Как-никак, только «торгаш» Некрасов мог написать зазывные приговорки «Коробейников»:

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жизнью наученный, он легко входил во всякое дело и во всякую жизнь. Потому и о газетно-журнальном мире пишет как знающий, и охоту живописует ярко и точно, и злоключения жен декабристов воспроизводит до ощущения зримого присутствия рядом с ними. Потому и народную жизнь, народные заботы воссоздает с редкой точностью. Да и пишет, в сущности, на самом что ни на есть народном языке:

Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелиnüчие —
Молодись за пяточок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики заветные —
Хоть кого приворожат!

К «Коробейникам», этой знаменитой своей вещи, Некрасов дает примечания на одной странице, другой, третьей. «Любчики — деревенские талисманы, имеющие, по понятиям простолюдинок, привораживающую силу»; или — на фразу «Кто вас спутал?» — «Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование» и т. д. Для современников, привыкших к карамзинскому или даже пушкинскому языку, это может показаться экзотикой. Для Некрасова язык этот — родной. Здесь он сходит с привычной для других литераторов дороги, начинает изъясняться языком своих «простых» героев. И не только в «Коробейниках».

У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки,
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —

Деткам наука!
Для ребятишек,
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!

До «Дядюшки Якова» Некрасова на такой язык мог дерзнуть Пушкин — в «Сказке о попе и работнике его Балде». После Некрасова, в начале XX века — обладавший безупречно тонким слухом Иннокентий Анненский, в стихотворении «Шарики детские»:

Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишни:
Запущу под самое небо —
Два часа потом глазей, да в оба!

Но у Пушкина — это смелое предчувствие, каким языком еще не изъяснялась, но может когда-нибудь заговорить русская литература. У Анненского — предвосхищение: какой языковой пласт может уже войти в плоть современной литературы (не случайно Ахматова расслышала в этом стихотворении предвестие Маяковского). И у первого, и у второго — это эпизод. Некрасов начинает *строить* на этом языке и этом мироощущении. В его поэзию входит не только народный «раек», но вообще простонародная речь. Не случайно Розанов — пусть не без преувеличения — воскликнул в «Уединенном»: «Стихи, как: «Дом — не тележка у дядюшки Якова», народнее, чем все, что написал Толстой»¹¹. Как всегда суждение Василия Васильевича не боится преувеличений. Но в подлинной народности некрасовской речи сомнений быть не может.

Некогда «провалившись» между сословий, выкарабкиваясь из своего мучительного одиночества и прислушиваясь к миру, Некрасов сумел так «наострить ухо», что ухватил самые основы народной, в то время — «нелитературной» речи. И она хлынула в его поэзию, не только словами и выражениями, к которым сам Некрасов готов был дать разъяснительное примечание, но и особой интонацией, — то разговорной, то напевной. Уже современники заметят, что «трехсложники» Некрасова, его «дактили» и «анapestы», в противовес прежде царствовавшему ямбу, более «народны» уже потому, что в русском языке, в простой речи, ударение на третий слог падает чаще, нежели на второй. Замечание сомнительное, стихотворная речь

¹¹ Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 45.

— это все же не обычная речь. В ней действуют особые законы. Пожалуй, много точнее был один из первых чутких читателей Некрасова, адвокат, поэт и критик Сергей Андреевский. Он услышал здесь «ритм, напоминающий вращательное движение шарманки», который «позволял держаться на границах поэзии и прозы, балагурить с толпой, говорить складно и вульгарно, вставлять веселую и злую шутку, высказывать горькие истины и незаметно, замедля такт более торжественными словами, переходить в витийство»¹².

Важно не просто «количество ударных слогов», но то, что с этими «трехсложниками», особенно в конце строк (вроде «Что тебя доконало, сердешного?» из «Похорон»), входит в его поэзию унылый напев, которому, как и России, как и бедам народным, нет ни конца ни края.

Некрасов наполнил поэзию длинными, «тягучими» словами. К. Чуковский заметил, что и некоторые слоги у него иногда как бы растягиваются на два:¹³

Надрывается сердце от му-ки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие зву-ки
Барабанов, цепей, топора.

Сам поэт еще в середине 1850-х чувствовал: русской поэзии нужен сдвиг, она должна «освежить кровь». В статье «Второстепенные русские поэты» (1850), той самой, где Тютчев будет поставлен им в ряд поэтов лучших, он скажет и об этом: «Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворческую форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий»¹⁴. Сам он — впусив «непричесанную» мужицкую речь в свои произведения — не просто пошел наперекор этой гладкости. Он не только разрушил прежние поэтические каноны, но и утвердил новые. Некрасову будут подражать и в 1870-е, и 1880-е, и в 1890-е, и позже.

* * *

Жизнь Некрасова — при том, что он добился заметного достатка, какого добился мало кто из русских литераторов, — была полна страданий, и духовных, и физических. Он будет мучительно болеть, с весны 1876 года уже не сможет заниматься журналом. И все-таки — ослабевший — будет работать над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», поэмой «Мать», рождая одновременно свои «Последние песни». Многие из них обращены к последней его любви, Фекле Анисимовне Викторовой, которую он будет называть Зиной. С ней он, безнадежно больной, обвенчается у себя на квартире 4 апреля 1877 года. 27 декабря он уйдет из жизни, оставив после себя, как скажет З. Н. Гиппиус, «загадку Некрасова». Попыток ее разгадать было множество. Еще одна — принадлежит тому самому Георгию Адамовичу, который пытался защитить Некрасова-поэта от наскоков одного из довольно известных в русском Париже писателей:

«Некрасов первый в нашей литературе взвалил на себя все, что увидел — и попытался все превратить в поэзию: именно в этом творческая совесть его особенно очевидна. Некрасов отказывался быть поэтом; если что-нибудь на земле оставалось вне поэзии, — боясь глубочайшего упрека, которому Леонид Андреев придал, к сожалению, чуть-чуть комическую форму: «как ты смеешь быть хорошим, когда я плохая?» Величие Некрасова в том, что он согласился быть «плохим», — во всяком случае «хуже» нарицательного Фета с его прелестными головками, — ради того, чтобы света никто не был лишен. Праздный, недоказуемый

¹² Андреевский С.А. Литературные очерки. СПб., 1902. С. 171.

¹³ См.: Чуковский К. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926. С. 196.

¹⁴ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15-ти т. Т. 11. — Л.: Наука, 1990. С. 33.

домысел? Нет, весь тон некрасовской поэзии, как бы всегда «сходящей в ад», всегда опускающейся до всего, что найдет низкого, всегда жертвенной, сочувствующей, ограждающей, искупающей, убеждает в этом, — даже если бы не был внятен текст»¹⁵.

Охватить поэзией все, даже самое непоэтическое, — это ведь тоже новое отношение к поэтическому слову. Всякий переворот, когда ломаются общепризнанные нормы, не просто утверждает новые принципы. Он говорит о большем: возможно вообще иное «воззрение» на тот или иной предмет, то или иное явление. Возможны иные основы для творчества, иные воззрения на привычные вещи. Так Лобачевский показал, что возможна геометрия на искривленной поверхности, где «не работают» школьные аксиомы. Так Мусоргский убедил — не современников, но потомков, — что могут быть «не школьные» основы голосоведения и вообще иные основы для создания произведения, нежели законы традиционной гармонии. Так Некрасов сказал своим творчеством об иных «основах» поэтической речи. И он настолько приобщился к народному языку, что в незаконченной своей поэме, извилистой, «многодорожной», он и думать начинает по-крестьянски. В поэме-странствии «Кому на Руси жить хорошо» воскресает русское утопическое сознание, поиски «Беловодья», «земли праведной». Те поиски истины, которые не имеют конца, как и его незаконченная поэма. И как, вместе с этим, преобразуется его поэтический «напев»!

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке...

С трехдольных размеров он перешел на ямб. Таково первое впечатление. Но как до странности часто в этом ямбе пропускаются ударные слоги. Как растягиваются слова.

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха...

Будто и не двудольный размер, а, напротив, — необычный, исключительный — *четырёхдольный*. Метр будто бы не «сжимается», но еще более растягивается. Как тягуча, бесконечна сама эта дорога. Как долог вообще путь русского крестьянина. Да и только ли крестьянина? Не о своем ли трудном, извилистом пути повествует Некрасов, со всеми его «окольными», «падениями» и «восхождениями»? Не примеривает ли на себя, на свое творчество он вопрос, заданный семью мужиками: «Кому живется счастливо?» Вопрос извечный, как вопрос о смысле жизни, смысле бытия человеческого, и, в сущности, — не имеющий ответа.

Сергей Федякин

¹⁵ Адамович Г. Некрасов // Современные записки. 1937. Кн. LXV. С. 415.

Стихотворения

Современная ода

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть
не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе все свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко...

1845

В дороге

«Скучно! скучно!... Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, Расскажи —
Буду, братец, за все благодарен».

— Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тоись, сватался к ней благородной
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка), —
Да, знать, счастья ей Бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер... А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал Богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу...
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрубила ему
В чем-нибудь, али на просто тесно
Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно, —
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!

Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись... посадили
На тягло — да на ней и женили...
Тоись, сколько я нажил хлопот!
Вид такой, понимаешь, суровой...
Ни косить, ни ходить за коровой!..
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас... да куды! —
Не утешись ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане неловко.
При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная...
Погубили ее господа,
А была бы бабенка лихая!

На какой-то патрет все глядит
Да читает какую-то книжку...
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно барченка, каждый день чешет,
Бить не бьет — бить и мне не дает...
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с чего?.. Видит Бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой...
А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

«Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку!...»

Колыбельная песня (Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрадный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,

Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!

Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

1845

«Я за то глубоко презираю себя...»

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытал ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкались ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаясь за нож — замирает рука!

1845

Родина

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житею последних барских псов,
Где было суждено мне Божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И ребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее
дальной
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрашна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил!..

И ты, делившая с страдальцей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:

Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, —
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех
давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце
ныло.

Я к няне убегал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но все, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

Огородник

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь,
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодежи,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, — чай, пора уж тебе отдохнуть».

— Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок. —
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок...

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралася кровь.
— Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?

«От кого у тебя перстенок золотой?»
— Скоро старость придет, коли будешь все знать.
«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хватъ!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетью, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Все лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченьясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

Нравственный человек

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал — я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар — счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отчески посек его, каналью;
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был как чаша;

Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

1847

«Если, мучимый страстью мятежной...»

Если, мучимый страстью мятежной,
Позабылся ревнивый твой друг
И в душе твоей, кроткой и нежной,
Злое чувство проснулося вдруг —

Все, что вызвано словом ревнивым,
Все, что подняло бурю в груди,
Переполнена гневом правдивым,
Беспощадно ему возврати.

Отвечай негодующим взором,
Оправданья и слезы осмей,
Порази его жгучим укором —
Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волненья,
Ты поймешь его грустный недуг
И дождется минуты прощенья
Твой безумный, но любящий друг —

Позабудь ненавистное слово
И упреком своим не буди
Угрызений мучительных снова
У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
Без того ему много принес
Полных муки тревог сожаленья
И раскаянья позднего слез...

1847

«Еду ли ночью по улице темной...»

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты — другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!

С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,

Только мы оба глядели с рыданием,
Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

1847

Вино

1

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Без вины меня барин посек,
Сам не знаю, что случилось со мной?
Я не то чтоб большой человек,
Да, вишь, дело-то было впервой.
Как подумаю, весь задрожу,
На душе все черней да черней.
Как теперь на людей погляжу?
Как приду к ненаглядной моей?
И я долго лежал на печи,
Все молчал, не отведывал щей;
Нашептал мне нечистый в ночи
Неразумных и буйных речей,
И наутро я сумрачен встал;
Помолиться хотел, да не мог,
Ни словечка ни с кем не сказал
И пошел, не крестясь, за порог.
Вдруг: «Не хочешь ли, братик, вина?» —
Мне вослед закричала сестра.
Целый штоф осушил я до дна
И в тот день не ходил со двора.

2

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Зазнобила меня, молодца,
Степанида, соседская дочь,
Я посватал ее у отца —
И старик, да и девка не прочь.
Да, знать, старосте вплоть до земли
Поклонился другой молодец,
И с немилым ее повели
Мимо окон моих под венец.
Не из камня душа! Невтерпеж!
Расходилась, что буря, она,
Наточил я на старосту нож

И для смелости выпил вина.
Да попался Петруха, свой брат,
В кабаке: назвался угостить;
Даровому ленивый не рад —
Я остался полштофа распить.
А за первым — другой; в кураже
От души невзначай отлегло,
Позабыл я в тот день об ноже,
А наутро раздумье пришло...

3

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Я с артелью взялся у купца
Переделать все печи в дому,
В месяц дело довел до конца
И пришел за расчетом к нему.
Обсчитал, воровская душа!
Я корить, я судом угрожать;
«Так не будет тебе ни гроша!» —
И велел меня в шею прогнать.
Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было нечем артель,
И меня, слышь, потянут в острог...
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» — сам себе я сказал;
Побежал, притаился, как вор,
У знакомого дома — и ждал.
Да прозяб, а напротив кабак,
Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался — и проснулся в части...

1848

«Ты всегда хороша несравненно...»

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцалуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

1848

«Вчерашний день, часу в шестом...»

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848 (?)

«Поражена потерей невозвратной...»

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей все равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь, —
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету, —
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

1848 (?)

«Да, наша жизнь текла мятежно...»

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе,
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,
Охотно ль повинешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвенье
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображение
Блуждать в прошедшем не могло...

Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу с самим собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!
(Счастливый день! Его я отличаю
В семье обыкновенных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил все... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —
И то, что в нем казалось нам страданьем, —
И то теперь я счастьем зову...

А ты?... ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?

Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя невольно увлекли?
И позабыла ты вдали
Все, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

1850

«Я не люблю иронии твоей...»

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

1850

На улице

1

Вор

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздвогнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сюртуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моления и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.

Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И Богу поспешил молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть...

2

Проводы

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И все просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха...

3

Гробок

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитяtko,
То и дело говорилось:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родился?»

4

Ванька

Смешная сцена! Ванька-дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,

Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и заморенной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик-дуралей
И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

1850

«Мы с тобой бестолковые люди...»

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

1851

«Блажен незлобивый поэт...»

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

*В день смерти Гоголя,
21 февраля 1852*

Муза

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух
Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь...

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страдания и оков, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир...
В усладу нового пришельца в Божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданиям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею... Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном,
Все слышалось в нем в смещении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.

Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: «Мщение!» — и буйным языком
В сообщники свои звала Господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.

Слабея, медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось вдруг
Все буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» — шептала
надо мной...

Так вечно плачущей и непонятой девы
Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда наконец обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страдания научила
И свету возвестить о них благословила...

1852

**«Ах, были счастливые годы!...»
(Из Гейне)**

Ах, были счастливые годы!
Жил шумно и весело я,
Имел я большие доходы,
Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
И не было дружбы нежней,
Но мой кошелек истощился —
И нет моих милых друзей!

Теперь у постели больного —
Как зимняя вьюга шумит —
В ночной своей кофте, сурово
Старуха Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
Ее табакерка порой.
Как страшно кивает старуха
Седую своей головой!

Случается, снова мне снится
То полное счастья житье,
И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое...

Вдруг скрип, раздирающий ухо, —
И мигом исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зевает и крестит уста.

«О письма женщины, нам милой!...»

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы! —
Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

1852

Памяти друга

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...

1853

Филантроп

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую комиссию
Поступивши, например,
Покупал свою провизию —
Вот какой миллионер!
Не взыщите! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения,
Подвели — и упекли!
Совершилось пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Все мы, бедные, извели,
Чашу выпили до дна:
Плачут дети — не обедали, —
Убивается жена,
Проклинает поведение,
Гордость глупую мою;
Я брожу как привидение,
Но — свидетель Бог — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет ровнехонько
Бились, волею судеб.
Вдруг — известье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,

Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
Не приездом ко двору,
Не звездой Станиславскою,
А любовь к добру, —
О народном просвещении,
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,
А скорее правоты!
Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам Господь послал спасителя, —
Говорю тогда жене, —
Нашим крошкам покровителя!»
И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Все как следует развели
И в столицу поскорей.
Прикатали прямо к сроднику,
Не пустил — ступай в трактир,
Помолился я угоднику,
Поначистил свой мундир
И пошел... Путем-дорогою,
Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:
«Оттого-де ныне с голоду

Умираю словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит Бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Невелик я генерал),
По ребяческой стыдливости
Даже с правого не брал —
И погиб... Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»

Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идет его сиятельство, —
Я сробел; чуть жив стою;
Впал в тупое замешательство
И забыл всю речь свою.
Тер и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь окоlesiцу,
А о деле — ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
«Что вам нужно?» — говорят.
— Нужно мне... — Тут слезы хлынули
Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилась со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Все, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту, —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Все, что кануло и сгинуло
В треволненьях жизни сей,
Все я вспомнил, все прихлынуло
К сердцу... Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В грудь ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом!

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство

К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!

Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист — так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

1853

Отрывки из путевых записок графа Гаранского

(Перевод с французского: *Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet Etat. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol, in 4°. Paris, 1836*)¹⁶.

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то чтоб в городах писцы не брали взятки —
Природа нравится громадностью своей.

Такой громадности не встретите нигде вы:
Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,
Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам

Картину сельского обычного движенья...
Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, «страду»,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сюртуках
Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках...
Как быть! не вразумишь их средствами другими,
Натуры грубые!..

Какие реки здесь!
Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем сойдет, я вам ручаюсь, спесь
С природы рейнской, но только не с французской!
Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, все клонит выю,

¹⁶ Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж, 1836 (*франц.*).

Но все ж по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь, —
Я славно ел и спал, подъячим не дал штрафа...
Да, средство странствовать и по России есть —
С французской кухнею и с русским титулом графа!..

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, спокойствие и совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,
То, верно, — живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «Чей, братец, виден дом?»
— Помещика... — «Что, добр?» — Нешто, хороший
барин,
Да только... — «Что, мой друг?» — С тяжелым
кулаком,
Как хватит — год хворай. — «Неужто? вот татарин!»
— Э, нету, ничего! маненечко ретив,
А добрая душа, не тяготит оброком,
Почасту с мужиком и ласков и правдив,
А то скулу свернет, вестимо, ненароком!
Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним... —
«А что?» — Да сделали из барина-то тесто. —
«Как тесто?» — Да в куски живого изрубил
Его один мужик... попал такому в лапы... —
«За что же?» — Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы. —
«Как так?» — Да так, сударь: как женится мужик,
Веди к нему жену; проспит с ней первую ночь,
А там и к мужу в дом... да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку, —
А после и того... А вот, примерно, тут
Невольте посмотреть — домик на косогоре,
Четыре барышни-сестрицы в нем живут,
Так мужикам от них уж просто смех и горе:
Именья — семь дворов; так бедно, что с трудом
Дай Бог своих детей прохарчить мужичонку,
А тут еще беда: что год, то в каждый дом
Сестрицы-барышни подкинут по ребенку. —
«Как, что ты говоришь?» — А то, что в восемь лет
Так тридцать три души прибавилось в именье.
Убытку барышням, известно дело, нет,
Да, сударь, мужичкам какое разоренье!

Ну, словом, все одно: тот с дворней выезжал

Разбойничать, тот затравил мальчишку, —
Таких рассказов здесь так много я слышал,
Что скучно, наконец, записывать их в книжку.
Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж *ты* своей жене, жена супругу *вы*,
Сивуха, грязь и вонь, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, все как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют как свиней...

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули: «Ура!..» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли?.. Кричат: «Довольны всем!»
— И управляющим? — «Довольны»... О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,
Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее... Я мало с ними был,
Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель...

Чего же им еще?.. А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство, —
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..
Я книги русские перебирал все лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
Сатире уж не раз обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услугой важною.

Буря

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

Брови я нахмурил и пошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в диво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато с той ночи я бровей не хмурю,
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

1853

В деревне

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня... ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны...
Кажется, с целого света вороны
По вечерам прилетают сюда.
Вот и еще, и еще эскадры...
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избушке, —
Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут... Все то же опять,
Что и вчера... посидят, и в дорогу!
Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава Богу,
Ветер смирился: пройдуся до полей.
С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый:
Даром в болоте промок до костей,
Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят...
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят...

2

«Здравствуй, родная». — Как можется, кумушка!
Все еще плачешь никак?
Ходит, зная, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?
«Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит...
Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыт!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплюшал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная, —
Вот уж тринадцатый день!

Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство Небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна, —
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин...
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая, —
Мать бы утешил свою...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка, —
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!
Лягу в каморку, покроюсь тенетами,
Словно как саваном... Нет!
Смерть не приходит... Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех...
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Эх! кабы только не грех...

Ну, да и так... дай Бог зиму промаяться, —
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город собирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить...
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
И не велел долго жить!»

Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь?..

Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть...
Вот и вороны готовы к отлету,
Кончился раут... Ну, трогайся в путь!
Вот поднялись и закаркали разом.
«Слушай, равняйся!» — Вся стая летит:
Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

1854

Несжатая полоса

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю выюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?...»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

1854

Маша

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд...
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет... убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда,
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Все бы вздор... только с Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!».
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь...
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит,
Отчего он так скоро сгорел?

1855

«Праздник жизни – молодости годы...»

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.